

Разграничение субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности

Аннотация. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц не образует отдельную разновидность или подвид гражданско-правовой ответственности, так как сфера ее применения не может служить достаточным основанием классификации. Иных особенностей формы проявления субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц, которые могли бы стать основанием для дифференциации внутри гражданско-правовой ответственности, нет. В связи с этим представляется, что нормы об ответственности контролирующих лиц должника и юридического лица, не находящегося в состоянии банкротства, имеют единую природу и должны составлять единый комплекс или хотя бы соответствовать друг другу. Автором статьи предпринята попытка разграничения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности. Проведен сравнительный анализ круга привлекаемых лиц и условий наступления ответственности по ст. 53.1 ГК РФ и субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процедуре банкротства по ст. 61.11 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)». Сделан вывод, что, хотя статья 53.1 ГК РФ является общей нормой о возмещении убытков контролируемыми лицами, она не в полной мере охватывает специальную норму о субсидиарной ответственности при банкротстве. В соответствии с правилами юридической техники общая норма должна содержать такие общие правила, которые бы охватывали собой специальные. Сформулированы предложения по правовому регулированию исследуемого института. Развитие института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц должно идти по пути унификации устанавливающих ее правовых норм, а в дальнейшем необходимо выработать единые правила субсидиарной ответственности на основе норм о субсидиарной ответственности в процедуре несостоятельности и ст. 53.1 ГК РФ, объединенные общими принципами и условиями наступления.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц; контролирующие должника лица; контролирующие лица; взыскание убытков с руководителя; ответственность лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица; бенефициар; фактический контроль; доведение до банкротства; ответственность за доведение до банкротства; объективное банкротство; корпоративные убытки.

Для цитирования: Сидоров А. В. Разграничение субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц с применением иных мер гражданско-правовой ответственности // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 5. — С. 91–98. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.091-098.

Delimitation of Subsidiary Liability of the Debtor's Controlling Persons by means of Application of Civil Penalties

Anton V. Sidorov, Postgraduate Student, Department of Civil and Business Law,
Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
arbitr6991@gmail.com

Abstract. Subsidiary liability of the debtor's controlling persons does not constitute a separate category or subtype of civil liability, as the scope of its application cannot serve as a sufficient basis for classification. There are no other distinctive features in the manifestation of subsidiary liability that could justify its differentiation from civil liability. In this regard, it appears that the norms governing the liability of controlling persons of a debtor and of legal entities not in a state of bankruptcy share a common nature and should form a cohesive framework or, at the very least, be consistent with one another. The author attempts to delineate the subsidiary liability of controlling persons of a debtor by using other measures of civil liability. The paper provides a comparative analysis of the categories of liable parties and the conditions for liability under Article 53.1 of the Civil Code of the Russian Federation and the subsidiary liability of controlling persons of a debtor in bankruptcy proceedings under Article 61.11 of the Bankruptcy Law. The author concludes that, although Article 53.1 of the Civil Code serves as a general provision stipulating the compensation for damages by controlling persons, it does not fully encompass the specific provision regarding subsidiary liability in bankruptcy cases. According to legal drafting principles, the general provision should contain overarching rules that encompass the specific ones. The paper makes recommendations for the legal regulation of the institution in question. The development of the institution of subsidiary liability for controlling persons of a debtor should proceed towards the harmonization of the legal norms that establish it. Furthermore, it is essential to define unified rules for subsidiary liability based on the provisions regarding subsidiary liability in insolvency proceedings and Article 53.1 of the Civil Code, which should be unified by common principles and conditions for liability.

Keywords: subsidiary liability of controlling persons of the debtor; controlling persons of the debtor; controlling individuals; recovery of damages from the director; liability of the person authorized to act on behalf of a legal entity; beneficiary; de facto control; inducing bankruptcy; liability for inducing bankruptcy; objective bankruptcy; corporate losses.

Cite as: Sidorov AV. Delimitation of Subsidiary Liability of the Debtor's Controlling Persons by means of Application of Civil Penalties. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(5):91-98. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.174.5.091-098.

Как следует из анализа статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ, количество заявлений о привлечении контролирующих должника лиц (КДЛ) к субсидиарной ответственности (далее также — ответственность КДЛ) неуклонно растет, как и процент удовлетворения таких заявлений.

Так, в 2021 г. было подано 6 779 заявлений, из которых рассмотрено по существу 5 978, удовлетворено — 3 356, то есть 56 %. В 2022 г. из поданных 7 429 заявлений рассмотрено по существу 6 697, удовлетворено 3 985 (59,5 %). В 2023 г. было подано 7 051 заявление, рассмотрено по существу 6 399, удовлетворено 3 846 — 60 %.

Считаем, что снижение числа заявлений о привлечении к ответственности КДЛ в 2023 г. по сравнению с 2022 г. связано с мораторием на возбуждение дел о банкротстве, в то же время тенденция к росту числа удовлетворенных заявлений сохраняется. КДЛ почти каждого второго банкрота привлекаются к ответственности.

Частое обращение к ответственности КДЛ в процедуре несостоятельности обусловило не только практический, но и теоретический интерес к изучению данной темы.

Ответственность КДЛ, за редким исключением, не исследовалась самостоятельно. Она рассматривалась либо в контексте субсидиарной ответственности вообще, что, по нашему мнению,

не позволяло учитывать особенности процедуры несостоятельности, либо в рамках банкротства, в отрыве от общих положений гражданского законодательства и вне связи с доктриной гражданского права, что не могло обеспечить полноту и всесторонность такого изучения. В результате в научной литературе сформировалось несколько точек зрения на правовую природу ответственности КДЛ, которые условно можно разделить на две группы. Согласно первой ответственность КДЛ обладает самостоятельной правовой природой¹, тогда как представители второй относят ее к гражданско-правовой ответственности.

Ответственность КДЛ не образует отдельную разновидность или подвид гражданско-правовой ответственности, так как сфера ее применения не может служить достаточным основанием классификации. Иных особенностей ответственности КДЛ, исходя из которых можно было бы проводить дифференциацию внутри гражданско-правовой ответственности, нет. Данный вывод подтверждается и судебной практикой.

В связи с этим стоит отметить, что нормы об ответственности КДЛ и контролирующих лиц (этот термин в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»² (далее — Постановление № 53) употребляется и применительно к лицам, перечисленным в ст. 53.1 ГК РФ³, мы также будем использовать его далее в таком значении) юридического лица, не находящегося в состоянии банкротства (далее — ответственность КЛ), имеют единую природу и должны составлять единый комплекс или хотя бы соответствовать друг другу.

В настоящей статье автор предпринял попытку разграничения ответственности КДЛ с применением иных мер гражданско-правовой ответственности.

Ответственность КДЛ предусматривается статьями 61.11 и 61.12 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»⁴ (далее — Закон о банкротстве), первая устанавливает ответственность за невозможность погашения в полном объеме требований кредиторов, вторая — за неподачу или несвоевременную подачу заявления о признании должника банкротом. Обращаясь к нормам об ответственности КДЛ, при отсутствии специальной оговорки автор будет ссылаться на ст. 61.11 Закона о банкротстве. Считаем, что вопрос о соотношении норм ст. 61.11 и 61.12 указанного Закона требует специального изучения. Данные нормы могут рассматриваться или как два самостоятельно предусмотренных состава правонарушения КДЛ, и тогда необходимо отдельно сравнивать ст. 61.12 с иными мерами ответственности (в том числе со статьей 61.11), или статья 61.12 может охватываться статьей 61.11 как частный случай. Исследование ответственности по ст. 61.12 и ее соотношения с ответственностью по ст. 61.11 не является целью настоящей статьи, поэтому условия ответственности по ст. 61.12 будут рассматриваться далее только в случае отличия от ст. 61.11.

Согласно общему правилу, изложенному в ст. 56 ГК РФ, учредители и участники юридического лица не отвечают по его долгам, исключения установлены законом, а именно статьей 53.1 ГК РФ и другими нормами, распространяющимися на учредителей, участников, полных товарищей и др. (например, п. 1 ст. 75, п. 6 ст. 113 ГК РФ). Аналогичные положения содержатся и в некоторых федеральных законах, регулирующих правовой статус отдельных юридических лиц, в частности в Федеральном законе от 14.11.2002 № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»⁵.

Ответственность КЛ, предусмотренная статьей 53.1 ГК РФ (по отношению к кредиторам, а не

¹ Например: Петухов С. В., Иванова С. А. Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц // Образование и право. 2023. № 1. С. 184–188.

² Российская газета. 2017. № 297.

³ Российская газета. 1994. № 238–239.

⁴ Российская газета. 2002. № 209–210.

⁵ Российская газета. 2002. № 229.

к самому юридическому лицу) и иными, в том числе приведенными выше, нормами, субсидиарная, но основания ее возникновения разные. В основе ответственности по ст. 53.1 ГК РФ лежит деликт, тогда как ответственность полного товарища или собственника имущества казенного предприятия носит обеспечительный характер и ее наступление не предполагает наличия состава гражданского правонарушения.

Отметим, что Верховный Суд РФ в Постановлении № 53 относит статью 53.1 ГК РФ к общим положениям о возмещении убытков, а мы считаем, что обязательства, вытекающие из этого деликта, могут носить также субсидиарный характер, когда на стороне лица, которому причинен вред, будут (наряду или помимо) выступать кредиторы юридического лица. Основные правоотношения в таком случае сложатся между КЛ и подконтрольным им лицом, а дополнительные (субсидиарные) — между КЛ и пострадавшими кредиторами подконтрольного лица. Причем можно условно сказать, что дополнительные отношения КЛ и пострадавших кредиторов опосредуются подконтрольным лицом. Эта связь зиждется на том, что причинение ущерба подконтрольному юридическому лицу неизбежно влечет за собой и нарушение прав его кредиторов. Обязательства юридического лица и лица, причинившего ему вред, перед кредитором будут объединены единым погашающим эффектом, в чем и будет заключаться его субсидиарность.

Упомянутая нами выше обеспечительная обязанность учредителей, участников, полных товарищей и др., в связи с тем что не предполагает совершение деликта, вряд ли может быть отнесена к мерам ответственности вообще.

Ответственность КДЛ, как и ответственность КЛ, обусловлена совершением деликта, общие условия которого закреплены в ст. 53.1 ГК РФ.

На основании п. 20 Постановления № 53 разграничение специальных норм об ответственности КДЛ, а именно ст. 61.11 Закона о банкротстве, с общими положениями о возмещении убытков (в том числе по ст. 53.1 ГК РФ)

происходит в зависимости от причины банкротства: были неправомерные действия КДЛ необходимой причиной банкротства или нет. От ответа на данный вопрос и будет зависеть, какие нормы применяются в каждом конкретном случае.

Таким образом, исходя из приведенного пункта, применение ст. 61.11 Закона о банкротстве обусловлено прямой причинно-следственной связью между неправомерными действиями КДЛ и наступившим банкротством, то есть виной в наступлении несостоятельности должника, хотя, заметим, по нашему мнению, из буквального толкования нормы ст. 61.11 Закона о банкротстве это не вытекает. Во-первых, в качестве возможных нарушений законодатель предусмотрел такие действия КДЛ, которые сами по себе причиной банкротства быть не могут (пп. 2, 4, 5 п. 2 ст. 61.11); во-вторых, представляется, что понятие невозможности полного погашения требований кредиторов шире, чем несостоятельность (банкротство), в соответствии с данным Законом. Из этого следует, что невозможность погашения в полном объеме требований кредиторов, с учетом того что Закон о банкротстве предусматривает различные пути пополнения конкурсной массы, может быть и не связана с наступлением банкротства. Тем не менее ответственность КДЛ по ст. 61.11 будет употребляться далее согласно толкованию, данному Верховным Судом РФ.

Если вина КДЛ была в форме умысла, то, помимо привлечения к гражданско-правовой ответственности, лицо может быть подвергнуто уголовной ответственности. Так, статья 196 УК РФ⁶ устанавливает ответственность за преднамеренное банкротство. Состав данного преступления предполагает умысел. Но поскольку к одному правонарушению могут быть одновременно применены меры разноотраслевой ответственности, то совершение контролирующим лицом деликта с виной в форме умысла может повлечь за собой одновременно как уголовную, так и субсидиарную ответственность в рамках банкротства или обе одновременно.

⁶ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Российская газета. 1996. № 113–115, 118.

Если контролирующее должника лицо виновно в форме неосторожности, то это также будет одним из условий привлечения к субсидиарной ответственности, но если вина в какой-либо форме будет отсутствовать, то при отсутствии одного из условий субсидиарная ответственность не наступит, однако возможно наступление иной гражданско-правовой ответственности, опять же при наличии предусмотренных для этого, в том числе статьей 53.1 ГК РФ, условий.

По мнению Верховного Суда РФ, изложенному в Постановлении № 53 и процитированному выше, соотношение норм об ответственности КДЛ и КЛ можно обозначить как общую и специальную нормы. Далее, сравним их содержание по двум основаниям: кругу лиц, которые могут быть привлечены к ответственности (понятия КДЛ и КЛ в соответствующих нормах), и условиям наступления ответственности.

Статьей 61.10 Закона о банкротстве регламентируется привлечение к ответственности КДЛ, круг которых определяется на основе следующих критериев: фактического контроля и получения выгоды из незаконных действий лиц, перечисленных в п. 1 ст. 53.1 ГК РФ (т.н. бенефициарные собственники). Круг КДЛ является открытым, так как пункт 5 ст. 61.10 Закона закрепляет возможность признать КДЛ и по иным основаниям. Определение КДЛ не исчерпывается названными критериями, Закон устанавливает и временное ограничение — три года с момента появления признаков несостоятельности вне зависимости от того, скрывалось ли наличие этих признаков или нет (п. 3).

К ответственности по ст. 53.1 ГК РФ могут привлекаться:

- лица, которые в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочены выступать от его имени;

- члены коллегиальных органов юридического лица (за исключением тех из них, кто голосовал против решения, причинившего вред, а также тех, кто добросовестно не принимал участия в голосовании);

- лица, имеющие фактический контроль над действиями юридического лица и вышеперечисленных лиц.

Сравнив понятия КЛ и КДЛ, закрепленные соответственно в ст. 53.1 ГК РФ и ст. 61.10 Закона о банкротстве, мы можем заключить, что их содержание совпадает лишь частично. Если мысленно представить их двумя кругами, то один из них не будет поглощать другой, как должно было бы быть в случае с общим и частным понятием; реально же получилось бы лишь частичное их совпадение. Выявленные различия обусловлены тем, что законодатель при наполнении приведенных понятий использовал для КЛ только критерий фактического контроля, тогда как для КДЛ еще дополнительно критерий получения выгоды, кроме того, оставил круг КДЛ открытым, так как закрепил возможность признавать КДЛ и по другим основаниям, тогда как в отношении КЛ такой оговорки нет.

Можно бы было здесь заключить, что КДЛ полностью поглощает КЛ, однако, как нами уже отмечено, для КДЛ установлено временное ограничение — три года. Статья 53.1 ГК РФ для КЛ никаких ограничений по времени не предусматривает, но, полагаем, к данным правоотношениям применим общий срок исковой давности — те же три года. При исчислении начала течения срока давности за отправную точку берется момент, когда пострадавшее лицо узнало или должно было узнать о нарушении его права, то есть определение этого момента крайне субъективно и индивидуально. Для КДЛ же фактически этот момент определен объективно для всех, поскольку три года подлежат исчислению исходя не из абстрактного субъективного понимания, а из объективных данных о появлении у должника признаков банкротства.

Вместе с тем судебная практика опирается на возможность предъявления требований о взыскании убытков к контрагенту — участнику вывода имущества наряду с лицами, поименованными в ст. 53.1 ГК РФ (определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 20.12.2022 № 305-ЭС22-11906 по делу № А40-96008/2021⁷). И хотя при

⁷ URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=2192714 (дата обращения: 03.09.2024).

обосновании такой возможности суд ссылается на ст. 1107 ГК РФ, думается всё же, что в приведенном судебном решении третье лицо, получившее в результате неправомерных действий руководителя основной актив общества, можно было бы рассматривать как скрытого бенефициара и привлекать к ответственности самостоятельно, при условии наличия в ст. 53.1 ГК РФ аналогичного Закону о банкротстве критерия получения выгоды.

На приведенном выше примере можно наблюдать конвергенцию норм об ответственности КДЛ и общих положений о возмещении убытков юридическому лицу по ст. 53.1 ГК РФ.

Теперь перейдем к условиям ответственности.

1. Противоправность. Вопрос о противоправности как для КДЛ, так и для КЛ решается законодателем одинаково: отсутствие в их действиях добросовестности и разумности. Согласно Постановлению № 53 нарушение КДЛ по ст. 61.11 Закона о банкротстве состоит в доведении должника до несостоятельности, хотя, повторимся, из буквального толкования нормы этого вывести нельзя. Но обязанность КДЛ не доводить подконтрольное лицо до банкротства поглощается его добросовестностью и разумностью.

Еще одной отличительной чертой ответственности КДЛ можно обозначить широкое использование законодателем такого приема юридической техники, как опровержимые презумпции, через которые как раз и закрепляются случаи возможного выражения нарушения закона.

2. Причиненный вред. Для применения ст. 61.11 Закона о банкротстве необходимым последствием недобросовестных действий КДЛ должно быть наступление банкротства, по ст. 53.1 ГК РФ — нет. Размер причиненного ущерба при доведении до банкротства составляет сумму всех оставшихся невыплаченными требований кредиторов (п. 11 ст. 61.11 Закона).

Статья 53.1 ГК РФ не содержит специального правила определения размера причиненных убытков, так что применяются общие положения гражданского законодательства.

3. Причинно-следственная связь. Убытки кредиторов должны возникнуть именно из-за

нарушения контролирующим должника лицом обязанности действовать добросовестно и разумно, а применительно к ответственности по ст. 61.11 Закона банкротство должно быть необходимым последствием действий контролирующего должника лиц.

4. Вина контролирующих лиц. Специального правила для определения вины статьей 53.1 ГК РФ не установлено, значит, вопрос о вине решается на основе общих положений, то есть ст. 401 ГК РФ.

В силу п. 10 ст. 61.11 Закона о банкротстве КДЛ не несет ответственности при доказанности отсутствия своей вины. Статья 61.12 не содержит и специального правила о виновности, и, если рассматривать ответственность по ст. 61.11 и 61.12 как два различных состава привлечения к субсидиарной ответственности, а не как общую и частную нормы, то вопрос о виновности по ст. 61.12 также решается исходя из общих положений, то есть ст. 401 ГК РФ, а если считать статью 61.12 частным случаем ст. 61.11, то надлежит следовать п. 10 ст. 61.11.

При отсутствии специального указания говорить об отсутствии вины применительно к КЛ в соответствии со ст. 53.1 ГК РФ можно только руководствуясь пунктом 2 ст. 401 ГК РФ.

Разграничив ответственность по ст. 53.1 ГК РФ и ст. 61.11 Закона о банкротстве, хотелось бы обратить внимание на пп. 2 п. 12 ст. 61.11 Закона, в котором закреплено, что КДЛ привлекается к ответственности и в ситуации, если несостоятельность наступила хотя и не по его вине, но вследствие его действий, ставших причиной существенного ухудшения финансового состояния должника. Данный пункт, можно сказать, стирает различия, обозначенные в Постановлении № 53.

Ориентируясь на позицию Верховного Суда РФ и считая ее научно обоснованной, мы рассматриваем нормы ст. 53.1 ГК РФ как общие положения об ответственности контролирующих лиц, а нормы Закона о банкротстве — как специальные.

Согласно правилам юридической техники, общая норма должна содержать такие общие нормы, которые бы охватывали собой специальные. Из сравнительного анализа условий

наступления ответственности по общей и частной норме можно заключить, что специальная норма в отдельных вопросах выходит за рамки общей.

Так, круг контролирующих лиц в специальной норме обозначен законодателем шире, чем в общей. И хотя приведенный пример свидетельствует, что данный пробел успешно преодолевается судебной практикой, всё же полагаем, что в перспективе необходимо либо ввести в ГК РФ понятие контролирующего лица, которое будет использоваться и в Законе о банкротстве, либо установить в ГК РФ дополнительные критерии из Закона о банкротстве для определения круга КЛ, подлежащих ответственности, либо вообще оставить возможность признавать контролирующим лицо, отвечающее определенным признакам в каждом конкретном случае.

Это обусловлено тем, что нормы об ответственности контролирующих лиц, появившиеся сначала в гражданском законодательстве, а потом и в законе, регулирующем процесс несостоятельности, в последующем развивались неравномерно. Ответственность КДЛ расширялась и углублялась с течением времени, в соответствующие нормы Закона о банкротстве неоднократно вносились изменения. Причина кроется в том, что в процессе перехода к рыночным отношениям изменялся характер

экономических связей и способы ведения бизнеса, в том числе теневого, а при отсутствии практики применения соответствующих законоположений законодатель вынужден был регулировать каждый конкретный случай ответственности особенно подробно. Сейчас же арбитражными судами и Верховным Судом РФ наработана обширная практика, научно обосновано введение новых терминов и категорий в науку гражданского права, в литературе среди ученых и практиков регулярно дебатировались те или иные спорные вопросы по исследуемой тематике.

Таким образом, по нашему мнению, правовое регулирование ответственности КЛ юридического лица нуждается в совершенствовании. В первую очередь требует уточнения понятие контролирующего лица. Сейчас круг КЛ и круг КДЛ различны, но с учетом целей института и существующей практики представляется целесообразным расширить круг КЛ, предусмотренный статьей 53.1 ГК РФ, в соответствии с Законом о банкротстве. Развитие института ответственности КЛ и КДЛ должно идти по пути унификации регулирующих его правовых норм, а в дальнейшем необходимо выработать единые правила ответственности КЛ на основе норм об ответственности КДЛ и ст. 53.1 ГК РФ, объединенные общими принципами и условиями наступления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Водолагин С. В.* Юридическая ответственность руководителей организаций: российские перспективы с учетом зарубежного опыта // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. — 2021. — № 5. — С. 85–95.
2. *Законодательство о банкротстве: преемственность и новации* : монография / П. Р. Абдуллаева, Н. В. Бандурина, Ю. М. Воронина [и др.] ; отв. ред. С. А. Карелина, И. В. Фролов. — М. : Юстицинформ, 2023. — 348 с.
3. *Метелева Ю. А.* Ответственность лиц, управляющих юридическим лицом // *Lex russica*. — 2019. — № 10. — С. 30–38.
4. *Морхат П. М.* Ответственность лица, признаваемого скрытым бенефициаром компании // *Право и бизнес*. — 2021. — № 1. — С. 7–12.
5. *Петухов С. В., Иванова С. А.* Правовая природа субсидиарной ответственности контролирующих лиц // *Образование и право*. — 2023. — № 1. — С. 184–188.

Материал поступил в редакцию 16 сентября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vodolagin S. V. Yuridicheskaya otvetstvennost rukovoditeley organizatsiy: rossiyskie perspektivy s uchetom zarubezhnogo opyta // Imushchestvennye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 5. — S. 85–95.
2. Zakonodatelstvo o bankrotstve: preemstvennost i novatsii: monografiya / P. R. Abdullaeva, N. V. Bandurina, Yu. M. Voronina [i dr.]; otv. red. S. A. Karelina, I. V. Frolov. — M.: Yustitsinform, 2023. — 348 s.
3. Meteleva Yu. A. Otvetstvennost lits, upravlyayushchikh yuridicheskim litsom // Lex russica. — 2019. — № 10. — S. 30–38.
4. Morkhat P. M. Otvetstvennost litsa, priznavaemogo skrytym benefitsiarom kompanii // Pravo i biznes. — 2021. — № 1. — S. 7–12.
5. Petukhov S. V., Ivanova S. A. Pravovaya priroda subsidiarnoy otvetstvennosti kontroliruyushchikh lits // Obrazovanie i pravo. — 2023. — № 1. — S. 184–188.